

DOI: 10.33184/dokbsu-2024.2.8

Семантическая трансформация топонимов: от знака географического объекта к знаку-символу

И. А. Солодилова

Оренбургский государственный университет

Россия, Оренбургская область, 460018 г. Оренбург, пр. Победы, 13.

Email: solodilovaira16@gmail.com

Семантика топонимов рассматривается с точки зрения когнитивного подхода к пониманию языка и определяется широко как совокупность элементов знания, имеющегося у носителей языка об объекте номинации. Специфичность топонимической семантики заключается в ее тесной обусловленности экстралингвистическими факторами, формирующими индивидуализирующие и оценочные признаки.

Ключевые слова: топоним, значение, фреймовая модель семантики, семантическая трансформация.

Подверженность языковой семантики постоянным изменениям является сегодня неоспоримым фактом и проявляется в языковых единицах всех уровней. Наиболее отчетливо эти изменения фиксируются носителями языка в значениях лексических единиц. Этот уровень языковой семантики является наиболее подвижным, что обусловлено природой языковых категорий лексического формата. В отличие от грамматических категорий, представляющих своей семантикой онтологию языка, лексические категории отражают в своей совокупности онтологию мира (см. типологию языковых категорий Н. Н. Болдырева [1], упрощенно понимаемого как совокупность объектов и явлений). Не вдаваясь в философски значимую дилемму, касающуюся утверждения обусловленности структурной организации языковой картины мира дискретностью мира реального или проявленности мира реального исключительно в языке в результате деятельности языкового сознания *homo sapiens*, примем здесь за аксиому взаимосвязь языковой реальности и реальности мира, постигаемого человеческим разумом.

Таким образом, следует признать, что изменчивость физического мира как в аспекте его материальной сущности, так и в аспекте его идеализированной картины (изменения ценностных параметров и самих ценностей) в сознании человека приводит с необходимостью к фиксации этих изменений в языке. Изменения второго типа представляют особый интерес. Объекты физического мира, не подвергаемые ценностной категоризации, вдруг (или не вдруг) приобретают для носителей языка особую значимость (со знаком «плюс» или «минус»), а представления о них попадают на оценочную шкалу. Процесс интерпретации получаемых знаний приводит к тому, что представления об объектах (ментальные единицы, концепты), не содержащиеся в своей структуре

признаки, оцениваемые человеком как положительные или отрицательные, приобретают таковые, а соответствующие им лексические единицы становятся в итоге оценочными, т.е. языковыми знаками, способными выражать оценочное отношение говорящего. В результате лексические категории языка приобретают статус модусных категорий (термин в понимании Н. Н. Болдырева) – категорий языка, способных выражать субъективное восприятие человеком реального мира и высказываний о нем (оценочность, отрицание, эвиденциальность, приблизительность и т.п.).

В ряду лексических единиц, отчетливо демонстрирующих этот переход, значатся топонимы – имена собственные, обозначающие географические объекты. На первый взгляд сложно предположить, что имя, например, города, реки, горы и т.п. может быть связано с оценкой. Тем не менее, языковые факты демонстрируют этот процесс. Он характерен прежде всего для имен наиболее известных географических объектов – тех, которые в силу исторических, экономических, политических и иных событий приобретают в культуре народа особую значимость.

Процесс перехода топонима в статус оценочной языковой единицы связан с особенностью его семантики.

В широкой дискуссии о наличии лексического значения у имен собственных вообще и топонимов в частности (см. работы Н. Ф. Алефиренко, О. С. Ахмановой, В. Д. Бондалетова, Л. А. Булаховского, Ф.И. Буслаева, Н. П. Бутенко, В. В. Виноградова, И. В. Муромцева В. А. Никонова, А. А. Потевни, А. А. Реформатского, Ю. С. Степанова, Н. И. Толстого, А. А. Уфимцевой, А. Д. Шмелева) мы придерживаемся позиции, согласно которой топонимы *обладают* лексическим значением, *специфичным* и *сложным* в отношении структуры и формирующих его факторов.

Специфичность семантической структуры топонима заключается в наличии денотата имени – обобщенного представления о географическом объекте и сигнификативно-коннотативного блока, в котором сигнификат включает в себе индивидуализирующие семантические признаки, а коннотативный компонент – оценочно-эмотивные.

Денотативное значение топонима определяется его функцией исключительно номинации географического объекта: *Волга* – «река в европейской части России». Сигнификативный блок семантики включает в себя индивидуализирующие признаки: *Волга* – ‘одна из крупнейших рек’, ‘самая полноводная’, ‘самая большая по площади бассейна и длине в Европе’, ‘протекает по всей территории России’ и т.п.

Оценочно-эмотивные семы, составляющие коннотативный блок семантики, связаны с характеристиками объекта номинации, которые получили в соответствующем социуме положительную или отрицательную оценку: *Волга* – ‘главная река в России’, ‘красивая’, ‘могучая’, ‘значимая для жизни людей’ и т.п.

Актуализация денотативного значения происходит всегда при употреблении имени объекта. Это значение не меняется, что связано с монореферентностью топонимических единиц. Семантические признаки сигнификативно-коннотативного блока актуализируются под влиянием контекста (при наличии соответствующих знаний у носителей языка). В этом заключается одна из особенностей семантики топонимов – они пропозиционально непрозрачны и только контекст высказывания определяет, какая часть семантики подлежит актуализации. Эта особенность связана с особенностями процесса формирования семантики топонима. От момента появления в языке и до актуального употребления семантический объем топонимической единицы может увеличиться в несколько раз, в отличие от многих апеллятивов.

Объяснение этого явления кроется в понимании того, что есть значение слова и какие факторы влияют на его формирование и развитие.

Не вдаваясь в анализ существующих семантических теорий, укажем лишь на то, что наше понимание языкового значения основывается на когнитивном подходе к пониманию языка и его единиц. В этом ключе значение есть знание, имеющееся у носителей языка об объекте номинации, знание как о присущих ему характеристиках и свойствах, так и о их месте в ценностной системе социума. Таким образом, описание значения слова вряд ли возможно без понимания его места в системе знаний о мире, в системе концептуального знания.

В этом понимании очевидно, что любые – значимые для социума – изменения в объекте номинации (в широком смысле), а также изменения в ценностной сфере будут фиксироваться в языке и закрепляться в сознании носителей языка по мере их актуализации в речи.

Таким образом, становится понятно, почему многие топонимы, значимые в топонимической системе того или иного языка как имена известных географических объектов, отличаются значительным расширением их семантики. Это расширение происходит за счет увеличения числа индивидуализирующих признаков, которые в процессе интерпретации (вторичного познания объекта) могут приобретать оценочность и эмоциональность и формировать оценочно-эмотивный блок семантики.

Индивидуализирующие признаки в семантической структуре топонима суть элементы знания об объекте номинации, которые приобретаются носителями языка в процессе взаимодействия с данным объектом и сохраняются в его имени для последующих поколений. Анализ семантики топонимов на основе их узувального употребления свидетельствует о том, что расширение их семантики в результате увеличения числа индивидуализирующих признаков является следствием фиксации знаний об исторических, экономических, политических, мифологических и другого рода событиях, захвативших в свою «орбиту» объект топонимации. В связи с этим принято говорить о сильной обусловленности семантики топонимов экстралингвистическими факторами (см. [2]).

Чем значимее объект топонимации в жизнедеятельности народа на протяжении многих лет и веков, тем шире семантика соответствующего топонима за счет увеличения числа индивидуализирующих и оценочно-эмотивных признаков. Подвижность семантической структуры топонима за счет включения новых элементов знания об объекте и стирания (удаления) старых, не подлежащих более актуализации, предопределяет ее (структуры) сложность, которая эффективнее всего может быть представлена фреймовой моделью семантики, разработанной Ч. Филлмором [3].

Фрейм как модель описания значения представляет собой комплексную стандартизованную структуру, состоящую из слотов – вакантных позиций, заполняемых элементами знания, среди которых определенная часть есть устойчивые, типичные величины, активизируемые «по умолчанию», а другая – меняющиеся, определяемые конкретным текстом элементы знания [4–7]. Фреймы в этом понимании и представлении являют собой единый формат описания и словарных и актуализированных значений, поскольку фиксируют как конвенциализированные компоненты значения в качестве типичных элементов знания (*default value*), так и контекстно/ситуативно обусловленные. Данная модель позволяет описать семантику ЛЕ в ее целостности и многообразии и объяснить как включение новых элементов, так и переход вариативных элементов в статус типичных, актуализируемых по умолчанию и наоборот.

Понимание значения топонима как совокупности типичных и вариативных элементов знания, структурируемых слотами, позволяет объяснить употребление топонима не только в номинативной функции (при актуализации денотативного элемента семантики), но и в функции характеристики объекта (характеризующей функции) и оценки.

Рассмотрим особенности топонимической семантики на примере ряда топонимов немецкого языка – имен городов, значимых в культуре и жизнедеятельности немецкого народа. Материалом для анализа послужили высказывания из корпусных данных Берлинско-Бранденбургской академии наук [dwds.de].

- (1) *In München, Hamburg und anderen westdeutschen Städten entfallen auf tausend Einwohner 500 bis 600 Pkw und Kombis.* (Berliner Zeitung, 27.12. 2005) [https://www.dwds.de/r/?q=M%C3%BCnchen%2C+Hamburg&corpus=bz&date-start=1994&date-end=2005&format=full&sort=date_desc&limit=50]. (В Мюнхене, Гамбурге и других восточно-немецких городах на тысячу жителей приходится от 500 до 600 легковых автомобилей и автомобилей-универсалов.) (Здесь и далее – перевод наш – И.С.).
- (2) *Statt Osten und Norden könnte man auch sagen: Berlin und Hamburg.* (Der Tagesspiegel, 20.12. 2004) [https://www.dwds.de/r/?q=Hamburg&corpus=tsp&date-start=1996&date-end=2004&format=full&sort=date_desc&limit=50]. (Вместо восток и север можно было бы сказать: Берлин и Гамбург.)

Топонимы в представленных выше высказываниях актуализируют сему 'географическое положение'. Если в (1) главной функцией топонимов является указательная, номинативная, а характеризующая (расположенность в западной части Германии) сопутствующей, то во (2), наоборот, в фокусе высказывания – указание на географические характеристики объектов топонимации, денотативное значение топонимов *Berlin* и *Hamburg* является сопутствующим. Более того, контекст высказывания – утверждение тождества между востоком и Берлином и севером и Гамбургом – позволяет в данном случае говорить о символической функции данных топонимов: для жителей Германии символом востока страны является Берлин, символом севера – Гамбург.

- (3) *Der Handel mit Kaffee und Gewürzen hat die freie Hansestadt Hamburg im 19. Jahrhundert reich gemacht.* (Berliner Zeitung, 09.09.2005) [https://www.dwds.de/r/?q=Hamburg&corpus=bz&format=full&date-start=1994&date-end=2005&p=4&sort=date_desc&limit=50]. (Торговля кофе и приправами сделала свободный ганзейский город Гамбург в XIX в. богатым.)
- (4) *Die Stadtstaaten Bremen, Hamburg und Berlin sind historische Relikte, die für ein föderales Deutschland nicht weiter künstlich am Leben gehalten werden dürfen.* (Gegenwartskorpora mit freiem Zugang, 20.10.2013) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Bremen%2C%20Hamburg%20und%20Berlin>]. (Города-государства Бремен, Гамбург и Берлин являются историческими реликтами, которые нельзя далее искусственно сохранять для федеративной Германии.)

Контекст в высказываниях (3) и (4) актуализирует в семантике топонимов семантические признаки, появление которых обусловлено историческими событиями. В (3) это 'ганзейский город', 'город успешной торговли', 'богатый город'. Эти признаки являются индивидуализирующими и, как таковые, принадлежат к сигнификативному блоку семантики. Их актуализация обеспечивает представление географического объекта (города) в перспективе конкретного признака, ему свойственного.

То же самое относится к высказыванию (4), которое актуализирует сему 'статус города - государства'.

В приведенных ниже высказываниях также превалирует характеризующая функция, которая, однако, дополняется оценочной.

- (5) *Ich mag es hier in Köln ja gerade, weil es nicht so verdammt cool wie Berlin oder so unverschämmt schick wie Hamburg tut.* (Gegenwartskorpora mit freiem Zugang, 30.11.2009) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Köln>]. (Мне нравится здесь в Кельне, потому что он не представляется таким дьявольски крутым, как Берлин, или таким бесстыдно шикарным, как Гамбург.)
- (6) *Es ist ein modernes Büro, es ist ein modernes Berlin mit den Kaufhäusern, mit dem Nachtvergnügen, mit den Bahnen, U-Bahn, S - Bahn.»* (Gesprochene Sprache)

[<https://www.dwds.de/r/?corpus=spk&q=Berlin>]. (Это современный офис, это современный Берлин с торговыми центрами и ночными развлечениями, с поездами, метро, трамваями.)

- (7) «*Und auch gar nicht in Berlin, wo ja Romane inzwischen alle spielen müssen, sondern irgendwie in Köln.*» (Gesprochene Sprache. Das literarische Quartet vom 22. Juni 2001) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=spk&q=Berlin>]. (И даже не в Берлине, где между тем должны разворачиваться действия всех романов, а где-нибудь в Кельне.)

В (5) город Кельн характеризуется через сравнение с городами Берлин и Гамбург.

Оценочные предикаты *'verdammt cool'* и *'unverschämt schick'* актуализируют ту часть семантики топонимов, которая связана с представлениями этих городов в сознании жителей Германии. Берлин славен своей неординарностью, «крутостью», Гамбург – новомодностью, гламурностью, шиком. Выражения *ein cooles (das coole) Berlin, ein schickes (das schicke) Hamburg* становятся устойчивыми, что свидетельствует о постепенном закреплении семантических элементов *'cool'* и *'schick'* в структуре значения топонимов *Berlin* и *Hamburg*, соответственно. В аспекте фреймовой модели семантики речь в данном случае идет о переходе названных элементов знания, относящихся к слоту «характеристика», из статуса вариативных в статус постоянных. Обе характеристики являются оценочными, соответствующие предикаты – знаками положительной оценки. Употребление усилительных частиц *verdammt* (проклято, дьявольски) и *unverschämt* (бесстыдно) указывает, однако, на нарушение нормы и меняет положительную оценку на отрицательную. Противопоставление Кельна названным городам указывает на отсутствие у него названных признаков.

В (6) контекст высказывания также актуализирует в семантике топонима *Berlin* оценочные признаки, такие как *'современный город'*, *'город, предоставляющий развлечения и удобства жизни'*.

В (7) употребление топонимов *Berlin* и *Köln* основывается на имплицитном сравнении: контекст высказывания актуализирует в семантике топонима *Berlin* признак *'литературная столица, центр современного литературного творчества'*, противопоставление соответствующих городов актуализирует в семантике топонима *Köln* признак *'в литературном отношении не значимый город'*, который усиливается неопределенным местоимением *irgendwie*, что в совокупности дает представление о Кельне как о литературном захолустье.

Приведенные примеры свидетельствуют о широте семантики топонимов, включающих как постоянные элементы знания, так и вариативные. Расширение топонимического значения объясняется тем, что его формирование в гораздо большей степени, нежели у апеллятивов, определяется экстралингвистическими факторами – совокупностью событий, в которые был погружен соответствующий географический объект, и

интерпретативной деятельностью носителей языка, направленной на выявление ценностной значимости объекта.

В данной связи в лингвистике было принято говорить о фоновой функции топонимов (см., например, работы К. М. Ирисхановой [8]). В последнее время в связи с усилением позиций когнитивного подхода к изучению языковой семантики и все большим признанием тесной взаимосвязи языкового и когнитивного уровней употребительным стал также термин «фоновая семантика» [9]. В цитируемой работе фоновая семантика понимается как «совокупность наиболее типичных социокультурных, исторических, оценочных и прочих ассоциаций носителей языка, в т.ч. зафиксированных в справочных и иных текстовых источниках в отношении того или иного имени» [8].

Расширение семантики топонима, как показал анализ, имеет следствием расширение и его прагматического потенциала. Возникший как имя географического объекта с целью его наименования, топоним по мере расширения своей семантики становится способным реализовать индивидуализирующие и оценочные элементы, характеризуя объект топонимации и давая ему оценку.

Расширение объема семантики топонимов, наличие в их структуре оценочных признаков и признаков-характеристик становится основой для использования топонимических единиц в процессах вторичной номинации. Процесс метафоризации строится, как известно, на выделении одного и того же признака в двух объектах, метонимический принцип номинации – на определении зоны смежности между двумя объектами. И в том, и в другом случае языковое сознание оперирует не денотативными, а сигнификативными и коннотативными элементами значения.

Использование топонимов как знаков вторичной номинации за счет ассоциативных связей (аналогий, сходств, смежности) и дальнейшее их употребление становится в итоге причиной расширения концептуального содержания, семантики соответствующего концепта.

Проиллюстрируем эти процессы на конкретных примерах.

К универсальному случаю употребления имени города как знака вторичной номинации является его метонимическое употребление в значении «жители города». Имена столиц используются так же в значении «правительство страны». Несмотря на конвенциональный характер такого употребления, и в том, и в другом случае работает механизм «одушевления». Город предстает как живое существо.

(8) *Berlin spart bei der Umstellung*. (Der Tagesspiegel, 30.12. 2004)

[https://www.dwds.de/r/?q=Berlin&corpus=tsp&date-start=1996&date-end=2004&format=full&sort=date_desc&limit=50]. (Берлин экономит на перестановках.)

- (9) *Ich glaube **Berlin** kann noch etwas davon lernen.* (Gegenwartskorpora mit freiem Zugang. Rede von Angela Merkel, 09.03.2020) [<https://www.dwds.de/r/?q=Berlin&corpus=dwdsxl&date-starmit=50>]. (Я думаю, Берлин может на этом кое-чему поучиться.)
- (10) *Paris und **Berlin** fordern zuerst die Rückzahlung der irakischen Schulden.* (Berliner Zeitung, 29.06-2004.) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Berlin>] (Париж и Берлин требуют сначала возврата иракских долгов.)

Употребление топонима *Berlin* в метафорическом значении также большей частью основано на представлении его как живого организма. Эта сема актуализируется даже в стершихся метафорах, как, например, *im Herzen Berlins* в следующем высказывании.

- (11) *Damit ist die Neubebautung des Potsdamer Platzes **im Herzen Berlins** vollendet.* (Der Tagesspiegel, 31.12.2004.) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Berlin>]. (Тем самым обновление Потсдамской площади в сердце Берлина завершено.)

Олицетворению Берлина способствуют, конечно, поэтические метафоры.

Так, в следующем высказывании наряду с актуализацией таких элементов знания, как ‘город альтернативной музыкальной культуры’, ‘город, не относящийся к категории благородных и почтенных’, происходит процесс метафоризации топонима. Две метафоры (выделено) актуализируют сему ‘живой организм’, вторая – дополнительно сему ‘живущий активной жизнью’.

- (12) *Weil man hier **die Stadt spürt. Den heißen Atem Berlins.** Aber dazu gehört auch die Szene. Inklusive Punkschuppen, Konzerthallen, Musikklubs. Aber sowas gibt es wohl nicht im noblen Dorf.* (Gegenwartskorpora mit freiem Zugang, 23.04.2008) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=bz&q=Berlin>]. (Потому что здесь чувствуешь город. Горячее дыхание Берлина. Но это ощущение рождается еще и на основе городской сцены. Инклюзивные панк клубы, концертные залы, музыкальные клубы. И этого, конечно, нет в благородной деревне.)

В (13) процесс метафоризации также основан на представлении города как живого организма, эмоциональное состояние которого можно ощутить.

- (13) *Mein **Berlin fühlt sich spannend an.*** (Der Tegesspiegel, 13.07.2003) [<https://www.dwds.de/r/?corpus=tsp&q=mein%20Berlin>]. (Город ощущается напряженно.)

Следующие три высказывания принадлежат текстам наиболее известных песен о Берлине. Известность песни способствует запоминанию выражений, в них содержащихся, и закреплению рождаемых ими образов в сознании носителей языка.

Так, ниже приведенное высказывание – это слова из когда-то очень популярной песни в исполнении Марлен Дитрих, песни, которую знают и слушают в Германии и сегодня.

(14) *Das ist Berlin, wie's weint und wie es lacht.* [https://m.lyrsense.com/marlene_dietrich/das_ist_berlin]. (Это Берлин, как он плачет и смеется.)

Глагольные метафоры служат олицетворению города, который в представлении автора слов и плачет, и смеется. В то же время здесь можно говорить и об употреблении имени *Berlin* в метонимическом значении – «жители Берлина».

Более яркими являются, на наш взгляд, метафоры Берлина в словах современной песни «Berlin: Dein Gesicht hat Sommersprossen», которая относится к 10 наиболее известным песням о Берлине [<https://mitvergnuegen.com/2016/de-11besten-songs-ueber-berlin>].

(15) *Berlin, dein Gesicht hat Sommersprossen / und dein Mund ist viel zu groß, / dein Silberblick ist unverdrossen <...>* [<https://mitvergnuegen.com/2016/de-11besten-songs-ueber-berlin>].

Олицетворение Берлина в тексте песни достигается с помощью метафорического употребления лексем *Gesicht*, *Mund* и *Blick*, которым даются характеристики.

В отличие от представленных выше примеров, в которых *Berlin* в пропозиции высказывания выполняет роль субъекта или объекта, в результате чего образ Берлина получает определенные характеристики, в том числе оценочного характера, в (16) топоним занимает позицию предиката и, соответственно, уже сам географический объект, вернее представление о нем, становится источником образного представления другого объекта (в данном случае человека).

(16) *Du bist mein eigenes Berlin <...>* [<https://genius.com/Gloria-deu-eigenes-berlin-radio-edit-lyrics>].

Более частое употребление топонима *Berlin* в переносном значении как знака вторичной номинации, по сравнению с другими топонимами немецкого языка, объясняется значимостью этого города в культуре страны и жизнедеятельности народа. Это подтверждает утверждаемую в когнитивной лингвистике и концептологии корреляцию между значимостью концепта в лингвокультуре народа и разнообразием его языковых реализаций и частотой их употреблений.

В случае с топонимом *Berlin* можно говорить о наличии у него символического значения и символьной функции, т.е. способности выступать знаком-символом. Это трансформация на уровне семантики языкового знака имеет в качестве своей основы процесс превращения географического объекта, культурной реалии в культурный символ. Не имея здесь целью описание символического содержания, присущего городу Берлину,

укажем лишь на то, что в культуре немецкого народа этот город, безусловно, является символом.

Реальный мир, познанный и интерпретированный человеком, находит свое представление в языке, формируя и меняя тем самым его семантику. Но верно и обратное: закрепленные в языке смыслы, передаваемы из поколения в поколение, формируют представление об объекте номинации, о его ценности и значимости.

Известный шведский лингвист Пер Линелл пишет в этой связи о «диалогической альтернативе» «монологической теории» лексикона. В этой теории лексикон есть конечный код, а «лексические значения лишь кодируют (устойчивые) наборы абстрактных семантических свойств, тем самым отрываясь от контекста, с которым связан опыт большей части аспектов языкового употребления в общественной жизни» [10]. В «диалогической альтернативе» лексические единицы понимаются как обладающие «открытыми потенциальными значениями» [10], а определение коммуникативно значимых значений и концептов объясняется как осуществляемое «в процессе взаимодействия между языковыми ресурсами и характеризующими ситуацию контекстуальными факторами» [10].

Как показывает анализ, топонимы ярко демонстрируют свойство открытости семантической структуры, способности формировать в процессе взаимодействия с «характеризующими ситуацию контекстуальными факторами» новые элементы знания, которые могут оставаться вариативными, актуализируемыми лишь возобновляемым контекстом, но могут в случае их регулярной актуализации становиться типичными, актуализируемыми «по умолчанию». Последние в случае превращения объекта топонимации в культурный символ (Москва, Берлин, Волга-матушка, Рейн-батюшка и др.) становятся элементами символического содержания.

Литература

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций. Тамбов: Изд. дом ТГУ, 2014. 236 с.
2. Артемова А. Ф., Леонович О. А. Страноведение через идиоматику: учеб. пособие по англ. языку. М.: ФЛИНТА, 2014. 128 с.
3. Филлмор Ч. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–92.
4. Fraas Cl. Gebrauchswandel und Bedeutungsvarianz in Textnetzen. Die Konzepte "Identität" und "Deutsche" im Diskurs zur deutschen Einheit. Tübingen: Narr, 1996. 267 S.
5. Fraas Cl. Wissen als kognitives und als sozial bestimmtes Phänomen – Zur sprachlichen Manifestation von Bedeutungswissen // Pohl I. (Hrsg.): Prozesse der Bedeutungskonstruktion. Frankfurt a. Main; Berlin; Bern; Bruxelles; New York; Oxford; Wien: Lang, 2002. S. 39–58.

6. Busse D. Linguistische Epistemologie. Zur Konvergenz von kognitiver und kulturwissenschaftlicher Semantik am Beispiel von Begriffsgeschichte, Diskursanalyse und Frame-Semantik // Kamper H., Eichinger L.M. (Hrsg.): Sprache – Kognition – Kultur. Sprache zwischen mentaler Struktur und kultureller Prägung. Berlin, N.Y.: de Gruyter, 2008. S. 73–114.
7. Ziem A. Frames und sprachliches Wissen. Kognitive Aspekte der semantischen Kompetenz // Felder E. (Hrsg.): Sprache und Wissen. Berlin; N.Y.: de Gruyter, 2008. S. 485.
8. Ирисханова К. М. Функционирование топонимов в художественной литературе: автореф. дис. ... канд. филол. н. М., 1978. 20 с
9. Иванов Е. Е. Фоновая семантика антропонимов / Региональная ономастика: Проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. под ред. А. М. Мезенко. Витебск, 2022. С. 23–28.
10. Линелл П. Письменно-языковая предвзятость лингвистики как научной отрасли / ред. А. В. Кравченко Наука о языке в изменяющейся парадигме знания (Studia linguistica cognitive. Вып. 2). Иркутск: изд-во БГУЭПБ 2009. С. 153–191.

Статья рекомендована к печати кафедрой немецкой филологии и методики преподавания немецкого языка Оренбургского государственного университета
(канд. филол. наук, доц. О. П. Симутова)

Semantic transformation of toponyms: from the sign of a geographical object to the sign-symbol

I. A. Solodilova

*Orenburg State University
13 Pobedy St., 460018 Orenburg, Orenburg region, Russia.*

Email: solodilovaira16@gmail.com

The semantic of toponyms is considered in the cognitive aspect and defined as a complex of knowledge elements, which the native speaker has about the nomination object. The specifics of the toponym semantic lies in its close dependence on the extra linguistic factors, that form individualizing and evaluative semantic elements.

Keywords: toponym, semantic, frame, semantic transformation.